

10 апреля 2015 года в чистый четверг на Страстной Седмнице вторая программа Центрального Российского телевидения совершила ошибку из числа тех, которые, по словам Меттерниха, "хуже, чем преступления". Десятки миллионов наших граждан увидели кадры кинохроники, на которых Иосиф Бродский своим монотонным лающим голосом прочитал стихотворение "На независимость Украины", написанное в 1992 году, когда украинское бандеровское братство,

Станислав КУНЯЕВ

сроднит ли с буйною Варшавой святые всех своих гробов? А у Бродского? Да он снизил до плintуса не только "рейтинг" украинского, но и русского народа, когда весьма своеобразно объяснял причину развала советской империи: Не нам, кацапам, их обвинять в измене. Сами под образами семьдесят лет в Рязани с залпыми глазами жили, как при Тарзане.

Да, можно согласиться, что "не нам" их обвинять. Но утверждать, что русский народ ("кацапы") в советское семидесятилетие только и делал, что "заливал глаза" и жил растительно-животной ("тарзаньей") жизнью, может только литературный сноб или органический русофоб. Ни тем, ни другим, если оценивать творчество Бродского в целом, он не является, несмотря

Приговор жёсткий, несправедливый...

укрывшееся после войны от справедливого возмездия в США и Канаде, узнав о создании "незалежной", впадал в восторг в подлинное неистовство, на которое нобелевский лауреат ответил следующим образом: Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, слава Богу, проиграно. Как говорил картавий, время покажет — кузьмину мать, руины, кости посмертной радости с привкусом Украины.

То не зелёно-квнтный, траченный изотопом, — жовто-блакитный ревет над Конотопом, скроенный из холста: знать, припала Канада — даром, что без креста: но хохлам не надо.

Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене! Не нам, кацапам, их обвинять в измене. Сами под образами семьдесят лет в Рязани с залпыми глазами жили, как при Тарзане.

Скажем им, званкой матерью паузы метая, строго: скатертью вам, холхы, и рушником дорожа. Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире, по адресу на три буквы на все четыре стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.

Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще, а курицу из борща грызть в одиночку слаще?

Прощевайте, холхы! Пожили вместе, хватит. Плюнуть, что ли, в Днепр: может, он вслять покатит, брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый кожаными улами и вековой обидой.

Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба нам — подавись вы жмыхом и колобом — не треба. Нечего портить кровь, рвать на груди одежду. Кончилась, знать, любовь, коли была промежду...

Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом! Вас родила земля, грунт, чернозём с подзолом. Полно качать права, шить нам одно, другое. Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя.

Ой-да левада-стель, краля, баштан, вареник. Больше, поди, теряли: больше людей, чем денег. Как-нибудь перебьёмся. А что до слезы из глаза, Нет на неё указа, ждать до другого раза.

С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи! Только когда придёт и вам помирать, бугаи, будете вы хрипеть, цараяя край матраца, строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Когда я прочитал до конца, то первое, что поразило — это запредельное конспироческое неяршиль зарифмованного текста, в которое впадал Иосиф от негодования и гнева, охватившего его. Состояние вдохновенной пламенной страсти вообще было противопоставлено его холодному таланту. Свои незаурядные версификационные способности он мог проявлять лишь с помощью иронии, скепсиса, изысканного цинизма. А тут от нахлынувшей ярости поэт чуть не потерял дар речи, или если говорить его словами — "часть речи". Но беда не в этом. Когда стихотворение пишется по какому-то конкретному поводу, то он, этот повод, даёт старт вдохновению лишь вначале, а потом в работу включается вся энергия мировоззрения, если оно есть у поэта. У Бродского оно было.

Но, желая отхлестать бандеровцев "бичом Ювенала", он вольно или невольно с первых строчек забыл о них, и выплеснул на бумагу жестокий и несправедливый приговор всему украинскому народу, его крайне своеобразному национальному характеру. Бродский отказал ему не только в уме, но и в здравом смысле, и в христианском терпении вместе с милосердием, и в простодушной наивности, столь глубоко прочувствованной Гоголем, и в способности к самопожертвованию, гениально изображённой в повести "Тарас Бульба"...

Я уж не говорю о преданности русскому товариществу, воспетой в гоголевском эпосе столь убедительно, что я до сих пор не могу понять, почему после того, как судьба Тараса Бульбы за целых полтора века вошла в сознание и чувства нескольких поколений России и Украины, почему после такой благодатной полупотраваковой работы нашлись в мире силы, которые смогли расчленили наше восточнославянское тело, разорубить палашом наш обидный позвоночник и разорвать нашу единую душу.

А причастность Искры и Кочубя к имперской судьбе России, угаданная Пушкиным в "Полтаве"? Куда её денешь? Да разве язык оды Бродского — порой приклатнёнкой, почти базарный, нарочито "интеллектуально-вульгарный" ("Как говорил картавий", "по адресу на три буквы", "пусть теперь в мазанке хором гансы с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы", "плюнуть что ли в Днепр", "прощевайте, холхы", "брехня Тараса" и т.д.) — разве это язык "имперского мышления", как утверждают иные знатоки нашей общей истории?

Вот образец настоящего имперского стиля и в мысли и в стиле "Александра", якобы столь любимого Иосифом: Наш Киев, дряхлый златоглавый прапрацур русских городов,

на строки "собака лает, ветер носит, Борис у Глеба в морду просит". Несколькими стихотвореньями о русской деревенской жизни, написанными в ссылке, Бродский ограбил себя от подобного рода обвинений. Хотя и эти стихи написаны человеком, не живущим "внутри" деревенской жизни, а глядящим на неё с интересом, но со стороны.

Но за что он ненавидит национальную суть украинского человека? — За его исконную укоренённость в земле: Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом, Вас родила земля, грунт, чернозём с подзолом.

Полно качать права, шить нам одно, другое. Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя. Ой ты левада, стель, краля, баштан, вареник.

Вот она квинтэссенция его манифеста, его приговора всем гоголевским героям, "ковыряющимся" в "чернозёме", скачущим и блуждающим по "степи", объясняющимся в нежных чувствах своим "дивчинам-кралям", собирающим урожаи со своих "баштанов".

А что касается брезгливости поэта по отношению к "варенику", то скажу, что он ничуть не хуже "мацы" или "фаршированной шукки". Еврейство Бродского, от которого он демонстративно и небезуспешно отстранялся всю жизнь, время от времени неизбежно напоминало о себе.

И не случайно он однажды всё-таки побывал на западной Украине в местечке Броды, откуда вышли его предки, "поковырялся в корнях", в земле, по которой прошли батальоны Тараса Бульбы, "огнём и мечом мстя" ясновельможным "шляхтичам и жидам арендаторам" за смерть Остапа за неуплаченную аренду "неньки Украины".

Но если пораскинуть мозгами, то с такой же еврейской неприязнью "людей воздуха" (вспомним картины Марка Шагала) относится Эдуард Багрицкий к "людям земли" — к своему антиподу хуторянину Опанасу, к "человеку предместья" из русского Подмоскья, тоже "ковыряющемуся в земле".

Мифологическое понятие "мать сыра земля" враждебно "людям воздуха", как и всё, что рождается из её утробы, у Бродского это — "семечки", "хлеб", "кавуны", "жмык", "колобы", "вареники", "курица из борща"; у Багрицкого всё то же самое: "капустная благодать борща", "колоды для пчёл", "мир дрожжевой, густой", "воркованье щей", "ушат топленого молока"...

И тому и другому ненавистен "матёрый желудочный быт земли". Я уверен, что Иосиф Бродский — поэт космополитического склада — возмутился бы, узнав, что я сравниваю его творчество с творчеством поэта революции Багрицкого. Но что делать! Еврейские комплексы до конца не изжили из своей генетической сущности и родовой памяти ни тот ни другой. Такова ирония истории.

Я уж не буду подробно говорить о том, что Иосиф, ненавидя антисемитскую Украину Бандеры и "вертуху" Демьянюка, в упор не видел Украину Александра Довженко, Сидора Ковпака, Ярослава Галана, Олега Кошевого, Богдана Ступки, Михаила Стелмаха, Владимира Союры, Ивана Кожедуба и многих десятков миллионов в полном смысле этого слова настоящих русско-советских украинцев.

Да, в конечном счёте, самого Бродского объединяло с украинскими вертухами то, что он, как и они, выбрал себе изгойскую судьбу и эмигрантскую долю (что весьма странно для "патриота империи"), но в отличие от них добровольно. Конечно УПА и УНСО и дивизию "Галичину" из истории не выкинешь, как и резню, которую бандеровцы устроили полякам на Волыни и еврейам на Львовщине, как и способность "самостийников" служить всем режимам в роли лагерных охранников и "вертухаев".

Недаром в советское время в литературной среде была широко известна история о том, как делегация украинских писателей приехала в Минск на какой-то литературный праздник и во время дружеского застолья один из украинских гостей, крепко подвыпивший, произносил тост, так расхвастался, говоря, что Украина богата всем — и антрацитом, и железной рудой, и чернозёмом, и пшеницей, и Чёрным морем, и Днепротэсом, и великой литературой, и так неуместно и вызывающе все это выглядело по сравнению со скромной и небогатой белорусской жизнью, что белорусские писатели выслушали его похвалы и кто-то из них, чуть ли не Максим Танк, взял слово и добавил:

— Ну да, у нас никаких украинских богатств нету, у нас даже своих полицеев не было, нам их с Украины привозили...

И верно: белорусскую Хатынь, как и многие другие партизанские деревни, сожгли вместе с людьми бандеровцы. И не случайно одесское жертвоприношение в пламени пятидесяти человек 2 мая 2014 года народная молва окрестила новой Хатынью.

Впрочем, Максим Танк был не до конца справедлив: в Белоруссии тоже имелись свои полицы, как и в России владисовцы. Но разница между русско-белорусской и украинской историей состоит в том, что Власова и нескольких его ближайших сподвижников повесили в Москве на Лубянке, что рядовые владисовцы, как и белорусские полицы, оттянули свои двадцатипятилетние сроки в Норильске и Магадане.

А самое главное заключается в том, что ни в Белоруссии, ни в России никогда и ни за что они не придут с почётом по улицам наших столиц, как проходят их "товарищи по оружию" по Риге и Киеву, и никто из них никогда не будет ни окружён почётом, ни возведён в герои.

И ещё несколько слов о финале стихотворения Бродского. "Брехня Тараса"... Поскольку для русского народа "Пушкин это наше всё", и потому любые попытки умалять его значение бесплежны, так и Тарас Шевченко — есть "всё" для народа украинского и потому любые оскорбительные слова о Кобзаре будут сказаны о нём впустую.

К 75-летию поэта

Для того чтобы понять, кто такой Иосиф Бродский, надо не собирать слухи о нём или даже напечатанные противоречивые воспоминания истинных и мнимых друзей, а читать его самого. Его стихи, его эссе. Вам будут говорить о его космополитизме и чуть ли не русофобии, а вы вспомните его стихотворение о русском народе, которое не случайно Анна Ахматова назвала гениальным, оно того стоит:

Мой народ! Да, я счастлив уж тем, что твой сын! Никогда на меня не посмотришь ты взглядом косым. Ты заглушишь меня, если песня моя не честна, но услышишь её, если искренней будет она. Не обманешь народ. Доброта — не доверчивость. Рот, говорящий неправду, ладонью закрывает народ, и такого на свете нигде не найти языка, чтобы смог говорящий взглянуть на народ свысока.

Вам будут говорить о его эмиграции (вынужденной и подневольной), о его америка-

ского стиха, никак не объяснить. К юбилею поэта хочу вспомнить его знаменитые заповеди, высказанные в речи на стадионе в декабре 1988 года перед выпускниками Мичиганского университета. Тогда критики посчитали её "неуместной", "политически некорректной", а кое-кто умудрился усмотреть в ней даже расизм. Сейчас они и впрямь становятся заповедями новым поколениям.

"1. Сосредоточьтесь на точности вашего языка Старайтесь расширять свой словарь и обращаться с ним так, как вы обращаетесь с вашим банковским счётом. Уделяйте ему много внимания и старайтесь увеличить свои дивиденды. Цель здесь не в том, чтобы способствовать вашему красноречию в спальные или профессиональному успеху, и не в том, чтобы превратить вас в светских умников. Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее. Одним словом, цель — ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу.

Чтобы этого избежать, не обязательно превращаться в книжного червя. Надо просто приобрести словарь и читать его каждый день, а иногда — и книги стихов. Да и вообще книги стоят гораздо меньше, чем один визит к психиатру.

"2. Старайтесь быть добрыми к своим родителям Если это звучит слишком похоже на "Почитай отца твоего и мать твою", то прошу прощения. Я лишь хочу сказать: старайтесь не восставать против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, так что вы можете извинить себя по крайней мере от этого источника вины, если не горя.

Если вам необходимо бунтовать со всеми этими "я-не-возьму-у-вас-ни-гроша", бунтуйте против тех, кто не столь легко раним. Родители — слишком близкая мишень (так же, впрочем, как братья, сёстры, жены или мужья). Дистанция такова, что вы не можете промахнуться.

"3. Не полагайтесь на полшпикер Не столько потому, что они немудры или бесчестны, как чаще всего бывает, но из-за масштаба их работы, который слишком велик даже для лучших среди них. Они могут несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те — хотя бы один человек — кто не получит выгоды от этого улучшения.

Мир несовершенен. Золотого века никогда не было и не будет. В свете этого — или, скорее, в потёмках — вы должны полагаться на собственную домашнюю стиральню, то есть управлять миром самостоятельно. Но даже в пределах вашего собственного пирога вы должны подготовиться к тому, что вам, по всей вероятности, придётся отведать в рав-

ной мере и благодарности и разочарования. 4. Старайтесь быть скромными Уже и сейчас нас слишком много — и очень скоро будет много больше. Это карабкане на место под солнцем обязательно происходит за счёт других. То, что вам приходится наступать кому-то на ноги, не означает, что вы должны стоять на их плечах. Так что, если вы хотите стать богатыми, или знаменитыми, или тем и другим, в добрый час, но не отдавайтесь этому целиком.

Всегда помните, что рядом с вами всегда кто-то есть — ближний. Никто не просит вас любить его, но старайтесь не слишком его беспокоить и не делать ему больно. На худой конец, постарайтесь вспомнить, из какой далека — от звёзд, из глубин Вселенной, возможно, с её противоположного конца — пришла просьба не делать этого, равно как и идея возлюбил ближнего как самого себя.

По-видимому, звёзды знают больше о силе тяготения, а также и об одиночестве, чем вы; ибо они — глаза желания.

"5. Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок —

Ветер sovra не доносит мне звуков Русских военных плачущих труб. Вижу в регалии убранный труп. В смерть уезжает пламенный Жуков.

Сравнивают его стихотворение "На смерть Жукова" с давней русской традицией, восходящей к стихотворению Державина "Снигирь", которое является эпитафией ещё одному великому русскому полководцу Суворову. Впрочем, не случайно снегиря вспоминает в этом стихотворении о маршале и Иосиф Бродский:

Маршал! Полетом алчная Лета Эти слова и твои прохора. Всё же, прими их — жалкая лепта Родину спасшему, вслух говоря. Бей барабан, и военная флейта Громко свисти на манер снегиря.

Поразительно, что такое имперское, державное стихотворение было написано уже в эмиграции, в Лондоне в 1974 году. Если не принимать во внимание осознанную жизненную стратегию Иосифа Бродского, его ставку на величие замысла всегда и во всём, многие из лучших эмигрантских творений поэта, наполненных державной значимостью рус-

ского стиха, никак не объяснить. К юбилею поэта хочу вспомнить его знаменитые заповеди, высказанные в речи на стадионе в декабре 1988 года перед выпускниками Мичиганского университета. Тогда критики посчитали её "неуместной", "политически некорректной", а кое-кто умудрился усмотреть в ней даже расизм. Сейчас они и впрямь становятся заповедями новым поколениям.

"1. Сосредоточьтесь на точности вашего языка Старайтесь расширять свой словарь и обращаться с ним так, как вы обращаетесь с вашим банковским счётом. Уделяйте ему много внимания и старайтесь увеличить свои дивиденды. Цель здесь не в том, чтобы способствовать вашему красноречию в спальные или профессиональному успеху, и не в том, чтобы превратить вас в светских умников. Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее. Одним словом, цель — ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу.

Чтобы этого избежать, не обязательно превращаться в книжного червя. Надо просто приобрести словарь и читать его каждый день, а иногда — и книги стихов. Да и вообще книги стоят гораздо меньше, чем один визит к психиатру.

"2. Старайтесь быть добрыми к своим родителям Если это звучит слишком похоже на "Почитай отца твоего и мать твою", то прошу прощения. Я лишь хочу сказать: старайтесь не восставать против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, так что вы можете извинить себя по крайней мере от этого источника вины, если не горя.

Если вам необходимо бунтовать со всеми этими "я-не-возьму-у-вас-ни-гроша", бунтуйте против тех, кто не столь легко раним. Родители — слишком близкая мишень (так же, впрочем, как братья, сёстры, жены или мужья). Дистанция такова, что вы не можете промахнуться.

"3. Не полагайтесь на полшпикер Не столько потому, что они немудры или бесчестны, как чаще всего бывает, но из-за масштаба их работы, который слишком велик даже для лучших среди них. Они могут несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те — хотя бы один человек — кто не получит выгоды от этого улучшения.

Мир несовершенен. Золотого века никогда не было и не будет. В свете этого — или, скорее, в потёмках — вы должны полагаться на собственную домашнюю стиральню, то есть управлять миром самостоятельно. Но даже в пределах вашего собственного пирога вы должны подготовиться к тому, что вам, по всей вероятности, придётся отведать в рав-

Заповеди Иосифа Бродского

низме а вы вспоминайте, как яростно поэт переживал отрыв Украины от России, читайте его стихотворение "На независимость Украины":

Прощевайте, холхы! Пожили вместе, хватит. Плюнуть, что ли, в Днепр: может, он вслять покатит, брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый кожаными улами и вековой обидой. Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба нам — подавись вы жмыхом и колобом — не треба. Нечего портить кровь, рвать на груди одежду. Кончилась, знать, любовь, коли была промежду...

И не поддавайтесь, что стихотворение было написано ещё в 1991 году в далёкой Америке. Не смог до конца жизни своей изгнать Иосиф Бродский своё русское имперское сознание из ума и сердца. Не смог смириться с потерей русской Украины. Можно любить поэта — не любить, но нельзя не признать его неотъемлемой частью русской культуры, и никакой другой.

Теперь о самом стихотворении Бродского "На независимость Украины". Да, стихотворение Иосифом Бродским было написано в запальчивости и неряшливо, не по-бродски. Как пишет Станислав Куняев, в "состоянии вдохновенной пламенной страсти", в общем-то противопоставленной его версификационному таланту. Потому он и ценил свои эмоциональные поэтические откровения.

О неряшливости этого стиха упоминает не только Станислав Куняев, но и друзья-единомышленники поэта, его соплеменники. Но Бродский с его тонким чутьём к слову чувствовал жизненность именно этого стиха. И важность его. Он мог бы сотни раз испривать его, усовершенствовать, придать ему изысканность, присущую его поэзии. Но по-настоящему любил стилистическое исправление убьёт его жизненную силу. Этим умещается то сокровенное, на чём держится стих. И потому все эти, замеченные тем же Даниэлем или Сагаловским, неточности или повторные неважные читателю. И потому не уточнённые стихи из "Новых стансов к Августе", а именно это небрежное, где-то на ходу, на крайних эмоциях написанное стихотворение сегодня лидирует на всём интернетовском пространстве. Пусть оно даже косноязычно, неуклюже в какой-то степени, но если оно живёт и вызывает новую жизнь — не в этом ли смысл настоящей поэзии? К чему эти перечисления: "левада-стель, краля, баштан, вареник..."? Да ни к чему, но именно они вводят читателя в атмосферу нутряной, земной, потребительской хозяйской жизни, защищаемой Куняевым и отвергаемой Бродским.

Это уже не "прощевание" с хохлами, а в чём-то идеологическое противостояние. Люди, смотрящие в землю, и люди, смотрящие в небо. Только и в "земляной идеологии" есть разные варианты. Есть мать-сыра земля, а есть выгодные к продаже гектары. Впрочем, и на небе кто-то видит Христа, а кто-то лишь коммерческие космические проекты.

К семидесятилетию Победы уместно вспомнить и державное стихотворение Бродского, посвящённое маршалу Жукову. Разве не чувствуется величая державность вот в этих строках о маршале Победы? Вижу колонны замерших внуков, Гроб на лафете, лошади круп.

Аламейном "лис пустыни" руководил войсками в Северной Африке как-то странно — то руководил, то не руководил ("вертикаль власти" в группе армий "Африка" уже ходила ходуном). Но в фильме Аткинса Роммель появ-

ляется сразу. Сразу после яйца. Впрочем, по порядку: некий немецкий охотник за древностями (разумеется, преданный делу фюрера), эдакий Индиана Ганс, находит в Северной Африке (где не указывается, да и не важно) яйцо. Крупнее куриного и даже змеиного. Учёный с каким-то загадочным выражением лица кричит "Хайль Гитлер!" и мрачно усмеивается.

Немцев, тем временем, вовсю громят. Англо-американцы наступают, остановить их может только чудо. И оно происходит — сначала танковые колонны, а затем и самолёты союзников начинают жечь самые настоящие драконы со свастиками на крыльях. Чем жгут — не указывается, но похоже на смесь напалма с гекогеоном. Англосаксы горят хорошо. Битва за Африку, высадка в Италии, а, значит, и в Нормандии — стоят под вопросом. Судьба мира висит на волоске...

Тем временем, в тылах англо-американской группировки в Африке свивается американский лётчик. У него посттравматический синдром и переживания (во время бомбёжки убит много мирных жителей, включая детей). Но домой его не отправляют — он лучший в Африке.

Ему и поручают скотить эскадрилью "Призраков" для уничтожения драконов. Летают они на P-51 "Мустанг", американцы считают их лучшими истребителями Второй ми-

ра, в который мы вступили, не имеет хорошей репутации. Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете.

Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой. Поэтому старайтесь не обращать внимания на тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных.

То, что делают ваши неприятели, приобретает своё значение или важность от того, как вы на это реагируете. Поэтому промчи-

тесь сквозь или мимо них, как если бы они были жёлтыми, а не красным светом. Так вы избежите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения..."

А ведь сам поэт и жил по этим заповедям, прощав все своих врагов, и никогда не кидал грязью в сторону своей Родины, в отличие от многих диссидентов. Никогда не считал себя жертвой, радовался жизни во всех её вариантах. Потому и называл период северной ссылки своим лучшим периодом. Так оно и было. Именно на русском Севере он стал настоящим поэтом. Был всегда далёк от политики, ценил и уважал старших, традиции русской поэзии. Обожаевал русский язык и русскую культуру. Эти его заповеди я бы и сегодня преподавал во всех вузах.

На снимке: нобелевский "ватник" Иосиф Бродский

Голливудские драконы на службе Люфтваффе

Накануне 70-летия Победы в России состоялась премьера очередного голливудского боевика. Режиссером фильма (а заодно и автором сценария) стал Марк Аткинс. Фильм

Индиана Ганс против союзников

— про Вторую мировую войну. Знающего человека это должно было насторожить — Аткинс известен своей, мягко говоря, слабостью к "драконьей тематике", даже названия предыдущих киношедевров говорят сами за себя: "Драконьи крестовосцы" (2011), "Пещера дракона" (2009), "Война драконов (Мерлин)" (2008)... Новый фильм (снятый в жанре уже "исторического фэнтези") получил схожее название "P-51: истребитель драконов".

Понятно желание Аткинса в год 70-летия победы союзных государств во Второй мировой войне снять фильм. Даже похвально. Но и с драконами расставаться не хочется. Ситуация непростая. Последнего дракона в Европе зарубил Зигфрид (по другим сведениям Илья Муромец, если Украина — це Еуропа). Так или иначе, но до 1943 года (а именно тогда разворачивается действие) драконы в Европе точно не дожили.

Поэтому действие переносится нетрудно догадаться куда... в Северную Африку, ведь именно там (если кто не знает) шла смертельная схватка с фашизмом с 1940-го по 1943-й годы включительно. Тем более, что именно там двум самым выдающимся полководцам союзников (Монтгомери и Эйзенхауэру) противостоял не менее выдающийся сам Роммель.

Правда, перед этим с трудом спасший остатки немецкой армии после битвы под Эль-

Аламейном "лис пустыни" руководил войсками в Северной Африке как-то странно — то руководил, то не руководил ("вертикаль власти" в группе армий "Африка" уже ходила ходуном). Но в фильме Аткинса Роммель появ-

ляется сразу. Сразу после яйца. Впрочем, по порядку: некий немецкий охотник за древностями (разумеется, преданный делу фюрера), эдакий Индиана Ганс, находит в Северной Африке (где не указывается, да и не важно) яйцо. Крупнее куриного и даже змеиного. Учёный с каким-то загадочным выражением лица кричит "Хайль Гитлер!" и мрачно усмеивается.

Немцев, тем временем, вовсю громят. Англо-американцы наступают, остановить их может только чудо. И оно происходит — сначала танковые колонны, а затем и самолёты союзников начинают жечь самые настоящие драконы со свастиками на крыльях. Чем жгут — не указывается, но похоже на смесь напалма с гекогеоном. Англосаксы горят хорошо. Битва за Африку, высадка в Италии, а, значит, и в Нормандии — стоят под вопросом. Судьба мира висит на волоске...

Тем временем, в тылах англо-американской группировки в Африке свивается американский лётчик. У него посттравматический синдром и переживания (во время бомбёжки убит много мирных жителей, включая детей). Но домой его не отправляют — он лучший в Африке.

Ему и поручают скотить эскадрилью "Призраков" для уничтожения драконов. Летают они на P-51 "Мустанг", американцы считают их лучшими истребителями Второй ми-

ра, в который мы вступили, не имеет хорошей репутации. Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете.

Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой. Поэтому старайтесь не обращать внимания на тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных.

То, что делают ваши неприятели, приобретает своё значение или важность от того, как вы на это реагируете. Поэтому промчи-

тесь сквозь или мимо них, как если бы они были жёлтыми, а не красным светом. Так вы избежите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения..."

А ведь сам поэт и жил по этим заповедям, прощав все своих врагов, и никогда не кидал грязью в сторону своей Родины, в отличие от многих диссидентов. Никогда не считал себя жертвой, радовался жизни во всех её вариантах. Потому и называл период северной ссылки своим лучшим периодом. Так оно и было. Именно на русском Севере он стал настоящим поэтом. Был всегда далёк от политики, ценил и уважал старших, традиции русской поэзии. Обожаевал русский язык и русскую культуру. Эти его заповеди я бы и сегодня преподавал во всех вузах.

На снимке: нобелевский "ватник" Иосиф Бродский

тесь сквозь или мимо них, как если бы они были жёлтыми, а не красным светом. Так вы избежите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения..."

А ведь сам поэт и жил по этим заповедям, прощав все своих врагов, и никогда не кидал грязью в сторону своей Родины, в отличие от многих диссидентов. Никогда не считал себя жертвой, радовался жизни во всех её вариантах. Потому и называл период северной ссылки своим лучшим периодом. Так оно и было. Именно на русском Севере он стал настоящим поэтом. Был всегда далёк от политики, ценил и уважал старших, традиции русской поэзии. Обожаевал русский язык и русскую культуру. Эти его заповеди я бы и сегодня преподавал во всех вузах.

На снимке: нобелевский "ватник" Иосиф Б